

Посвящается Чарли

1

Эта мама — не моя мама. Она выглядит как моя мама. Она выглядит точь-в-точь как моя мама. Те же вьющиеся каштановые волосы с серебристой прядкой сбоку. Те же заношенные розовые шлёпанцы. То же пигментное пятно на тыльной стороне левой ладони. Эта женщина будто мамина двойняшка. Её сестра-близнец. Но это не моя мама.

— Привет. — Мой голос звучит надтреснуто, но не потому, что он меняется (хотя и поэтому тоже), — просто мне не верится, что дело происходит наяву. Такого не может быть, и точка.

— Доброе утро, сынок, — откликается женщина. Она стоит у плиты и готовит яичницу-болтунью. Помешивает яичную смесь точно так же, как моя мама, — одновременно крутя сковородку и двигая лопаточкой. Яйца словно танцуют на сковороде. Как и моя мама, эта женщина всё делает на автомате.

И тем не менее это не моя мама.

— Что тут у вас творится? — Глупый вопрос, но я не знаю, что ещё сказать. Такое чувство, будто вокруг всё чужое. Неужели я проснулся в параллельной вселенной?

— Тут у нас творится завтрак, дурень, — отвечает мне Чарли.

Он сидит за столом, пьёт апельсиновый сок и читает книгу. На нём ни штанов, ни ботинок. Только трусы и та же голубая рубашка, в которой он был вчера.

Рядом с ним примостилась Джулия, на столе перед ней мамин ноутбук. Она пялится в экран. Она уже одета. Футболка, джинсы, кроссовки. Джулия не такая дикарка, как Чарли.

Таращусь на Чарли и Джулию. Таким взглядом я смотрю на них, когда хочу, чтобы меня поняли только они. Можно сказать, это язык переглядок, понятный нам одним. Я ору на Чарли и Джулию своими глазными яблоками. Практически визжу.

Что, чёрт возьми, тут творится?

Ни тот, ни другая даже головы не поднимают. Для них сегодня обычный день. Они, верно, полагают, что женщина у плиты — наша мама. Она их обманула, но как ей это удалось? Может, всё дело в том, что мне уже четырнадцать, а они ещё учатся в начальной школе? Маленьких легко обвести вокруг пальца. Чарли, к примеру, по сей день считает, что после того, как выпадает молочный зуб, ночью прилетает фея, которая забирает выпавший зуб и оставляет взамен четвертак.

По-моему, я в эту чепуху никогда не верил.

Почему они не замечают? Она выглядит совсем как наша мама и при этом совсем не так.

Пристально озираюсь. Неужели это происходит наяву? Должно быть, я в какой-то чужой кухне. Мысль, конечно, нелепая, ведь Джулия и Чарли здесь

и их никто не подменил, но других версий у меня пока нет. Должно быть, я в каком-то не том месте.

На вид здесь всё такое же, как и вчера. Трещины в линолеуме на полу складываются в те же узоры, что и в нашей кухне. На краю стола лежит кипа журналов, которые мама давно собирается прочесть, да руки не доходят. Сушилка забита стаканами и тарелками, кочующими со стола в раковину, из раковины на сушилку, а затем снова на стол, так никогда и не попадая в посудный шкаф. На холодильнике корявые магниты в виде овощей, которые Чарли в прошлом году смастерил в бойскаутском клубе. Магниты держат орфографический тест Джулии (результат — сто процентов), просроченные номерки к терапевту и зубному, купоны, фотографию мамы и тёти Кэрол на какой-то вечеринке и список правил, который я составил примерно год назад.

В списке всего один пункт:

1. Не делай этого.

Идея принадлежит миссис Ньюфэнг, нашему школьному психологу. По её мнению, в большинстве случаев лучшее, что я могу сделать, это ничего не делать. Увы, на приготовление уроков и домашние обязанности правило не распространяется. Мне положено его соблюдать, если я злюсь, грущу или прихожу в замешательство. Всякий раз, когда я испытываю «эмоциональное напряжение» («становлюсь злым как собака», если перевести с языка миссис Ньюфэнг) и хочу что-то сделать, мне следует не делать этого. Вместо того чтобы поступить импульсивно (одно из

любимых словечек миссис Ньюфэнг), я должен подумать и сделать как можно меньше.

А в идеале и вовсе ничего не делать.

Не знаю, есть ли от списка правил какая-нибудь польза, но я вижу его по десять раз на дню, так что, вероятно, он отложился у меня в памяти. Отпечатался в мозгу.

Перевожу взгляд с холодильника на шкаф, потом опять на стол. Всё так, как должно быть. Я там, где должен быть. Это моя кухня. Всё здесь то же, что и всегда, кроме женщины у плиты.

Она не моя мама.

Меня наполняет гнев. Он наполняет меня от кончиков пальцев ног до кончика носа, как сказала бы мама. Пальцы сжимаются в кулаки. Зубы стискиваются. Тело напрягается. Эти движения совершаются сами собой. Будто кто-то без моего ведома щёлкнул выключателем, и внутри меня зажглась красная подсветка. Такое со мной не впервые. Я этого не хочу, однако быть красным мне приятно. Быть красным правильно.

Кто эта женщина у плиты?

Почему я один вижу, что она не наша мама?

Что, чёрт возьми, тут творится?

Вопрос тоже красного цвета, хоть я и задаю его про себя. Кулаки сжимаются ещё крепче.

Хочу вернуть свою маму.

Эта мысль поражает меня как гром.

Миллион раз я желал, чтобы мама исчезла. Я на неё постоянно злюсь. Её поступки кажутся мне бессмысленными. Но я никогда не хотел, чтобы она исчезла навсегда. Я лишь мечтал, чтобы она нена-

долго пропала. Взяла отпуск. Убралась на неделю-другую. Вот чего я действительно хотел. «Уйди куда-нибудь и научись быть нормальной матерью. И Глена с собой заведи!» — беззвучно обращался я к ней. Другая мать — исполнение моего желания с точностью до наоборот. Я мечтал о лучшей версии своей мамы. Точнее, мечтал, чтобы вернулась старая версия мамы, которая была у меня до того, как всё рухнуло.

Эту новую мать я не хочу.

Замираю на секунду, злюсь, чувствую, что сыт по горло, внутренним взором вижу красные слова и хочу по чему-нибудь стукнуть. Кого-нибудь стукнуть. Похоже, я ошибался. Список правил не помогает. Я не хочу не делать. Я хочу делать.

Считаю про себя от десяти до одного и немного успокаиваюсь.

Этому меня научила миссис Ньюфэнг, но сам метод я знал ещё в детстве. Его все знают. Я пошёл миссис Ньюфэнг навстречу и притворился, что практикую его, — миссис Ньюфэнг любит мне помогать, а поскольку нам с ней приходится проводить вместе по три долгих часа еженедельно, я стараюсь облегчать ей задачу. К тому же мне нравится, когда она улыбается и хвалит меня, например, так: «Отлично, Майкл. Ты освоил этот метод».

На самом деле она говорит: «Т'освоил этот метод»*, но сокращения мне не нравятся. Даже малень-

---

* You are owning — You're owning (англ.). Сокращённые формы английских вспомогательных глаголов характерны для неформальной речи. — *Здесь и далее примеч. перев.*

ким я при каждом удобном случае их избегал. По-взрослев, я стал использовать сокращения чаще, в основном из-за того, что моя речь казалась людям странной и они надо мной потешались, чем жутко злили, а я ведь уже тогда должен был контролировать свои эмоции.

Но сокращения мне всё равно не нравятся.

Они похожи на дроби. Такие же небрежные. Не-чёткие. А дроби вроде одной трети — вообще мрак. Если превращаешь их в десятичные, они не заканчиваются никогда. Последнюю тройку в 0,333 надо заключать в скобки, которые показывают, что поток троек не иссякает. Скобки напоминают табличку с надписью: «Это число сумасшедшее».

Я не сумасшедший. Мне скобки не нужны. Мне просто не нравятся дроби и сокращения. Мне нравится, когда вещи имеют смысл. Мне просто нужно по три часа в неделю беседовать с миссис Ньюфэнг о том о сём, принимать лекарство и разучивать методы, которые я должен применять, когда злюсь, грущу или чувствую, что сыт по горло.

Никто в кухне не заметил, что мои руки сжаты в кулаки. Мама бы заметила. Миссис Ньюфэнг научила маму замечать такое, чтобы та помогала мне деэскалировать (ещё одно заумное словцо нашего психолога), прежде чем я что-нибудь отчебучу. Эта женщина явно не моя мама. Мама обязательно спросила бы меня, в чём дело.

Вместо того чтобы стукнуть, швырнуть чем-нибудь или закричать на женщину у плиты (а я мог бы сделать это ещё три года назад и хотел бы сделать прямо сейчас), я сажусь рядом с Чарли. Он читает

«Руководство по выживанию среди зомби». Чарли получил его на прошлое Рождество и зачитал до дыр. В то, что нашествие зомби произойдёт на самом деле, Чарли не верит, однако ему нравится составлять планы действий в чрезвычайных ситуациях. Чарли уже не в клубе бойскаутов, но по-прежнему верит в их девиз «Будь готов» больше, чем кто-либо из моих знакомых. На верхней полке его шкафа спрятаны консервы (он наивно полагает, что, кроме него, о них никто не знает), а под кроватью лежит спасательный жилет на случай, если Господь опять затопит мир. Жилет Чарли получил в подарок от Санты в прошлом году — ну, то есть жилет купила мама, и я считаю это глупостью. Если твой ребёнок просит надувной жилет, это не означает, что ты должна непременно исполнять его блажь.

В Бога я не верю. Я хотел бы верить в Бога, рай на небесах и всё такое, но для меня это просто набор слов. Если Бог существует, почему в мире то и дело умирают младенцы? Если бы Бог существовал, младенцы и маленькие дети не умирали бы.

Чарли я сказал, что затопить мир за один день не под силу даже Богу. Чтобы создать столь огромный запас дождевой воды, потребуется уйма времени, так что спасательный жилет всё равно не спасёт. Куда больше Чарли пригодится корабль, как у Ноя. Кстати, история о Ное — тоже полная чушь.

Допустим, Ною удалось втиснуть на корабль по паре всяких зверей, птиц и насекомых (что уже нереально), но как же он решил вопрос с деревьями и цветами? После сорока дней под водой они все просто сгнили бы.